

НТС и Освободительное движение времен войны*

А. АРТЕМОВ

По двум поводам следует сегодня обратиться к теме об антикоммунистическом Освободительном движении нашего народа в годы минувшей войны и об участии членов НТС в нем: во-первых, исторически немаловажна годовщина со дня опубликования в ноябре 1944 года "Пражского манифеста" Комитетом освобождения народов России (КОНР), возглавлявшимся генералом А. А. Власовым. Это был кульминационный пункт в развитии российского антикоммунистического Освободительного движения в ходе Второй мировой войны, к которому мы, НТС, имели отношение; во-вторых, для новой эмиграции, за редкими исключениями, характерны не только ограниченные знания подлинных исторических фактов (результат советского метода информации), но и утрата исторического мышления - способности уяснить события в свете тогдашних условий, а не только анахронически, с позиций последующего опыта. В психологии, как и в физике, природа не терпит пустоты, и изъяны в умах и душах заполняются казенной пропагандой.

Отсюда - исторические смешения и смешения. Говорят: "Как можно было взаимодействовать с противником, когда народ грудью стал на защиту Родины?"... Тут смешиваются две фазы, а по существу две разных войны: первая - идеологическая, политическая, вторая - патриотическая, отечественная; причем, в сознании, конечно, начисто вытесняет начальную.

Другой пример: советская пропаганда твердит о том, что СССР вынес на себе всю тяжесть войны, а западные союзники тянули со "вторым фронтом". Но ведь Вторая мировая война началась в 1939

году, когда Гитлер, поделив Польшу со Сталиным, кинулся громить Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию, готовя высадку в Англию, - при моральной, политической и экономической поддержке СССР. Почти два года был лишь один фронт - западный, а на востоке царила "дружба, спаянная кровью". Молотов обвинял во всем "буржуазные" государства; западные коммунисты вели подрывную работу против правительств своих стран. И ныне забывают, что первыми коллаборантами гитлеризма были советское правительство и зарубежные коммунисты.

Советская пропаганда издает многотомные сочинения о германо-советской войне. Но там скрыто главное: подлинная причина крушения советской обороны в первой стадии войны та, что народ не хотел защищать коммунистический режим. И надеялся на уничтожение этого режима.

Тотальный террор

Тридцатые годы, и особенно предвоенные 1936-38, - это фаза завершения террористической диктатуры коммунистической власти. Теперь об этом много написано, и немало рассказывают, но с течением времени все воспринимается либо как личное, семейное, либо в массовом обобщении, постепенно становясь абстрактной статистикой.

Террор был массовым и тотальным, охватывал все население снизу доверху, включая аппарат режима, и для нас это было повседневной реальностью. Возьмем наиболее показательные факты.

После смерти Ленина вершина власти была выражена "ленинским Политбюро". Помимо Сталина, там было шесть человек: слева - Троцкий, Зиновьев, Каменев; справа - Бухарин, Рыков, Томский. Троцкий, наряду с Лениным фактически осуществивший захват власти, отстроивший Красную армию и обеспечивший победу в гражданской войне. Зиновьев - лидер Коминтерна, штаба мирового коммунистического движения. Каменев - председатель Совета труда и обороны. Бухарин - главный идеолог партии. Рыков - преемник Ленина на посту главы Советского правительства. Томский - лидер советских профсоюзов, самой многочисленной организации в стране. Сталин был генеральным секретарем ЦК, но в те времена слово "секретарь" воспринималось скорее как начальник канцелярии, не больше. Известно, каким путем он стал полновластным диктатором, а каковы судьбы остальных?

* Доклад на собрании Франкфуртской группы НТС в 1985 г. ("Посев" №№ 4 и 5 за 1985 г.). Даётся в сокращенном виде. Повторно печатаем этот доклад именно сейчас, когда исполняется 50-летие "Пражского Манифеста". Всех, интересующихся подлинной историей своей страны и Второй мировой войны, отсылаем к книге А. Казанцева "Третья сила" (выходит третьим изданием в издательстве "Посев").

Троцкий был исключен из партии, в 1929 году изгнан из страны, а в 1940 году убит сталинским агентом в Мексике. В середине тридцатых годов Зиновьев и Каменев, а за ними Бухарин и Рыков были судимы и "ликвидированы" в подвалах Лубянки. Томский покончил с собой.

В армии уничтожено более половины командного состава; из первых пяти маршалов трое наиболее значительных - Тухачевский, Егоров и Блюхер, - расстреляны, остались бездарные Ворошилов и Буденный. Уничтожены или репрессированы около шестисот писателей, немало ученых, даже с мировым именем; помнится лаконичная хроникальная заметка в газете о расстреле пятидесяти профессоров за какое-то "вредительство". В 51-м томе Большой советской энциклопедии второго издания множество имен с многозначительными датами кончин.

Миллионы крестьян были ограблены, увезены в Сибирь - либо на каторгу, либо на гибель в дебрях тайги. Социализм в деревне строили путем коллективизации, которая установила государственное крепостничество, с умопомрачительной нормой эксплуатации: Хрущев вспомнил, как при Сталине "покупали" картофель у колхозников по копейке за килограмм, получая прибыль в тысячах процентов.

"Черный ворон"

Сейчас многие говорят о культурных, об исторических ценностях, которые надо защищать от внешнего врага при любом правительстве. Но когда человека подвергают пыткам или волокут на расстрел, ему не до архитектурной ценности исторического здания на Лубянской площади, а умирающему от голода колхознику не до гобеленов во Дворце культуры. А главное: каково было отношение к культурным ценностям у "своего правительства"?

Надо было бы защищать величественный памятник победы над Наполеоном, храм Христа-Спасителя в Москве, да его еще в первой пятилетке снесли. Снесли Триумfalную арку, тоже памятник победы в первой Отечественной войне, снесли Страстной монастырь против памятника Пушкину, Иверскую часовню у входа на Красную площадь ("мешала движению"). Духовный центр русского народа, который вдохновлял наших предков на защиту то от татар, то от поляков, Троице-Сергиева лавра была превращена в Птицеград, с началом войны в нем формировались дивизии, церк-

ви служили ночлегами, столовыми, парикмахерскими, складами и канцеляриями. Петроград стал Ленинградом, его соборы Исаакиевский и Казанский - антирелигиозными музеями; по всей стране сельские церкви, если сохранились, использовались как "склады горючего"...

Основным "культурно-историческим памятником" был "Черный ворон", в котором по ночам возили арестованных. Люди исчезали бесследно. О них нельзя было спрашивать, вспоминать, их надо было забыть навсегда. Такова была тогда наша ежедневная и еженощная реальность.

"Мы не допустим героев-мучеников"

В застенках коммунистической охранки практиковались самые жестокие пытки, и люди мечтали о смерти как о конце страданий. Ни о какой казни "на миру" и думать было нечего, люди гибли бесславно; недаром Дзержинский говорил: "мы не допустим героев-мучеников"...

Миллионы устраивались безымянно, да Сталин так и сказал, что "гибель одного человека - трагедия, гибель миллионов - статистика". И что там говорить о простых гражданах, когда прах (пепел) лидера интернационала или главы правительства спускали в канализацию.

И при всем при том нельзя было не только протестовать, но даже молчать, в этом поголовном рабстве каждый обязан был демонстрировать раболепие - аплодировать и визжать ура "великому вождю и учителю", который "вывел нас на верный путь", когда "жить стало лучше, жить стало веселей", "расцвела страна и кругом весна"...

Заряд ненависти

Огромный заряд ненависти и гнева наполнял души двухсотмиллионного народа, но это были миллионы индивидов, в лучшем случае малых групп, которые не находили путей к разрушению отработанной адской машины всеобщего угнетения и истребления. Выступления одиночек ни к чему не вели. Заговоры раскрывались - не то действительные, не то самой властью сфабрикованные. Мировая общественность появлялась в непривычном виде: то Лион Фейхтвангер приедет, покушает икры с "вождями" и потом выпус-

разделений); немецкая армия воспринималась ими как освободительная.

Тем временем в лагерях военнопленных люди массами стали вымирать от голода. По данным немецкой военной статистики, общее число советских военнопленных за время войны составило 5,24 миллиона человек, из них 3,8 миллиона "в первые месяцы", то есть в 1941 году, а погибло в плену 2,1 миллиона (тоже главным образом зимой 1941-42 года). Правда, даже самые критические исследователи признают технические и экономические трудности в прокормлении такого количества людей при создавшихся условиях, но главное было не в этом, а в общей политике Гитлера.

Многие из военного командования у немцев всячески старались добиться нормального человеческого отношения к пленным и даже формирования из них антикоммунистических вооруженных сил. Гитлер держался категорических решений: физическое истребление "славян", изгнание их за Урал, закрепощение в качестве рабочей силы для немецких имений на "восточноевропейской территории".

Два врага

Постепенно людям в плену и в оккупированных областях становилось ясным, что у нашего народа два врага. От обоих надо избавиться. Но от кого сначала? Одни считали, что сперва надо прогнать внешнего врага, а потом обратиться против внутреннего. Другие ставили целью уничтожение большевистской диктатуры, даже во взаимодействии с немцами, чтобы затем, если не будет независимости, добиваться ее силой, хотя бы путем партизанской борьбы (западные державы вынуждены будут ее поддерживать); это мне казалось более реальным, поскольку я не верил в конечную победу Германии, в возможность овладения ю нашей страны.

У обоих течений были эволюционные вариации. Первые допускали, что после спасения от внешнего врага большевики пойдут на реформы (этому способствовали слухи о намеченном распуске колхозов, а также поблажки церковной иерархии, введение традиционной военной формы и погонов). Вторые вначале исходили из добрых намерений немцев, потом полагали, что после неудач немцы пересмотрят свои политические цели, наконец были уверены, что перед лицом собственной гибели немцы вынуждены будут

отдать все в руки российского освободительного движения. Увы, наш век опроверг ряд привычных истин: полуумный фанатик у власти способен погубить свой народ и самого себя.

"Школа"

Как не следует смешивать понятия "русский" и "большевик", так не следовало ставить знака равенства между "немцем" и "нацистом". В немецком военном и государственном аппарате было немало антинацистов и русофилов, которые старались изменить ход событий, вплоть до ликвидации "фюрера" (многие из них сложили головы на этом пути). Они заняли различные должности в новообразованном Восточном министерстве, одно из ведомств которого должно было заняться подготовкой кадров по трем категориям: пропагандисты "Новой Европы"; административные служащие (включая полицию); специалисты в промышленности, сельском хозяйстве и других экономических, научно-технических областях.

Отбор людей из лагерей военнопленных шел по каким-то неуловимым критериям (скорее всего, в первую очередь, по анкетным данным); на пересыльных сборных пунктах уже сообщали о подготовительной "школе", с указанными тремя направлениями. Была предоставлена возможность отказаться и вернуться в лагерь; но меня заинтересовало третье направление: в качестве научно-технического работника уехать на один из заводов в Белоруссии, к технологии которого я имел некоторое отношение по прежней научной деятельности.

"Школа" оказалась размещенной в бараках небольшого лагеря близ селения Вустрау, под Нейруппином, километров 50 севернее Берлина. Руководители главным образом были из балтийских немцев, помнивших и любивших Россию и ее культуру, говорили по-русски, знали и понимали советскую действительность, к гитлеризму и нацистской политике относились критически.

Это было необычайным, но еще неожиданнее оказалась встреча с преподавательским персоналом: наши сверстники, увезены родителями от большевиков в школьном возрасте, всесторонне осведомлены в теории и практике коммунизма, в разных областях западной культуры и общественной мысли, в русской свободной философской, социально-экономической, юридической и государственно-политической литературе; безусловные противники гитлеризма

и страстные патриоты России, но не старой, а новой, основы которой нам суждено совместно разрабатывать. Все это выяснялось поразительно скоро, было наивно-неосторожным для недавних советских граждан, но в то же время как-то буравило мозги и сердце, привлекало и очаровывало настолько, что не было сил устоять за стеной осторожности, недоверия и скрытности, которые были выработаны у нас жизнью.

НТС

Курс начался с описания национал-социалистической Германии (как того требовало высшее начальство). При всем холодном тоне и явной дистанцированности лекторов я заподозрил, что мне не удастся уйти в технологию. В частной "аудиенции" у наиболее близких мне преподавателей я заявил о своем желании вернуться в лагерь. Те понимающие покивали головой и... направляя уточнили позиции методом риторических вопросов: "А что если так?".

Выяснилось, что в школе сплетены две нити. Одна - немецкие антинацисты, решившие привлечь из российской эмиграции наиболее близкое к внутрисибирской действительности течение (НТС был закрыт в Германии, но людей немцы знали). Другая нить - сам НТС, члены которого, по директиве руководства, всеми доступными путями направлялись в Россию. А школа была одним из пунктов встречи с Россией.

Ознакомившись с идеологией НТС, я увидел, что она близко совпадает с моим мировоззрением. Еще не вступив формально в Союз, я принял участие в разработке программных положений. У НТС не было детализированной Программы, Союз сознательно ждал возможности привлечь к этому людей с опытом жизни в стране, и теперь были созданы творческие группы на оккупированной территории в России, в Польше, ну и в Германии. Центральный семинар работал в Берлине под руководством члена Исполнительного бюро НТС К. Д. Вергуна; там были и "советские" (например, Р. Н. Александрин, позднее автор книги "Письма к неизвестному другу"), и эмигранты (в частности, молодой философ С. А. Левицкий). Свести разнородные материалы в общеприемлемую Программу не удалось, и был выдан предварительный проект - "Схема национально-трудового строя"; в ней были недоделки и противоречия, но она образовала каркас для дальнейших разработок.

Неизвестно, сколько "кадров" поставила школа министерству

по управлению "восточными областями" (безговорочных коллаборационистов там просто отсеивали как непригодных), но зато известно, что из Вустрау вышли многие активные деятели НТС и Освободительного движения, возглавленного генералом Власовым. К тому же, там образовался политико-просветительный центр (под руководством членов Совета НТС В. Д. Поремского и Р. Н. Редлиха), который сумел наладить выпуск ценных философско-политических материалов посредством ротаторной техники.

В феврале 1943 года я оформил свое вступление в НТС. Это был акт сознательный и серьезный; еще с детских лет, в годы революции и гражданской войны, воспринято было определенное отношение к жизни. В нашем селе большевиков ненавидели, но на фронт против них никто не пошел: надеялись отсидеться, а потом взвыли и каялись. И старики говорили, что "каждый отвечает за общее дело", за свое место в нем: при любых перспективах, всеми силами содействуй тому, что считаешь верным. Из Москвы я пошел на фронт, отклонив предложение пройти курс медицинской бактериологии. И еще: я верил в силу политической организации, в ее способность вести борьбу, поскольку она специфически предназначена для решения политических проблем. И в НТС я увидел искомое, и в его идее Третьей силы единственно верное решение, при любой реальности (верное может быть невероятным, вероятное неверным). Ведь и воля людская - фактор реализации.

Генерал Власов и Русский комитет

Летом 1942 г. появилось сообщение, что на Волховском фронте взят в плен генерал Власов. Это меня не заинтересовало: немало советских генералов оказалось в плену (в школе Вустрау были генералы Ф. И. Трухин, Д. Е. Закутный). Но в немецких оппозиционных военных кругах давно уже шли поиски выдающейся личности, которая могла бы возглавить российское антибольшевистское движение. На эту тему велись беседы с генералами, но в большинстве случаев участие в освободительной армии обусловливалось тем, что будут даны гарантии независимости, создано национальное правительство с российской политической платформой, приступлено к формированию и объединению антибольшевистских вооруженных сил. Ныне покойный генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин лично в разговоре со мной в 1943 г. подтвердил,

что он готов был на возглавление, если бы дело становилось сразу реальным, - создание русского правительства и русской армии, - а не ограничивалось пропагандой (советская пропаганда по сей день хвалит его за уклонение от "власовщины").

Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов, в 1941 г. защитник Киева и затем Москвы, 13 июля 1942 г., после разгрома немцами Второй Ударной армии из-за краха коммуникаций и упрямства Ставки, привлек внимание немецкой военной оппозиции как соответствующий требованиям дела человек. Капитану В. К. Штрикфельдту, из группы подполковника графа Клауса Штауффенберга (казненного в 1944 г. за покушение на Гитлера), удалось убедить Власова возглавить "для начала" пропагандную акцию, которая обрастет реальными факторами и вырастет в силу, способную изменить ход событий и придать войне политический характер, которого так боялся Сталин.

Власов привлек в "Русский комитет" нескольких сотрудников; из них можно назвать как наиболее влиятельных генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова (он был политкомиссаром дивизии, потом армии, а до войны секретарем Ростокинского райкома Москвы), генерал-майора В. Ф. Малышкина (в середине тридцатых годов начальник штаба одной из сибирских армий, арестован в связи с делом Тухачевского, лишь в 1941 г. выпущен из заключения) и особенно талантливого и эрудированного М. А. Зыкова, числившегося майором.

Штаб (канцелярия, редакция) Власова занял место в доме Отдела пропаганды Верховного командования в Берлине, стал издавать газеты "Заря" для гражданских читателей, под редакцией Зыкова, и "Доброволец" для воинских групп, под редакцией Н. В. Ковальчука, молодого писателя с Украины, а также получил баражный лагерь в селении Дабендорф, под Берлином, где была организована Школа пропагандистов.

Дабендорф

В начале января я ознакомился с газетой "Заря", и Д. В. Брунст (член ИБ НТС, преподаватель в Вустрау) устроил в Берлине встречу, где присутствовали Зыков с его адъютантом Ножиным и трое "вустрауцев": генерал Ф. И. Трухин да мы с Н. Г. Штифановым (оба уже лекторы в школе). Зыков сказал, что у них нехватка ин-

теллектуальных сил для школы в Дабендорфе и они попытаются "сделать зем" у Вустрау.

В феврале в Вустрау приехал генерал В. Ф. Малышкин и предложил Трухину с группой из 10 человек, по своему выбору, переехать в Дабендорф. НТС тогда, хорошо осведомленный о нацистских целях (через секретаря были получены копии соответствующих секретных документов), отстраивал подпольную сеть "Третьей силы" на родной земле ("Ни немцев, ни большевиков" - лозунг, выдвинутый руководством НТС еще перед войной) и тайно занимался пропагандой и вербовкой сторонников в лагерях пленных и "восточных рабочих"; к широкой, открытой, а потому подконтрольной, акции отношение было настороженное. Все же руководство Союза решило послать просимую группу к Власову, в порядке "использования подходящих возможностей".

Группа, отправленная в Дабендорф, состояла из 10 человек: во главе генерал Трухин (тогда уже член Совета НТС), непосредственно под ним мы со Штифановым (оба "старшие члены НТС") и еще семь окончивших курс Вустрау (не все - оформленные члены НТС). 25 марта мы прибыли в Берлин, где Трухин и мы со Штифановым присутствовали на докладе Власова о его первой, мартовской, поездке на Восток - в Смоленск, Могилев, Бобруйск, Гомель, Оршу (в кабинете были Малышкин, Жиленков, Зыков с адъютантом Ножиным, генерал Благовещенский, полковник Бушманов).

В Дабендорфе, этом идеологическом центре Российского освободительного движения, нам суждено было провести почти два года, разрабатывая, углубляя и отшлифовывая идеологию и программу Движения к НТС - на базе изучения истории России, советской действительности (по докладам курсантов, каждого в своей области знаний) и основных философских, социальных, экономических и политических течений современности. Всего через школу прошло 4-5 тысяч человек, в НТС мы приняли формально около 50 человек. Но сотни или тысячи людей стали распространителями новых идей, мобилизующих народ на борьбу за раскрепощение и преобразование России.

Трухин был сначала заведующим учебной частью, а после ухода больного генерала И. А. Благовещенского - начальником школы. Старшими преподавателями, лекторами были Н. Г. Штифанов (инженер по образованию, но с широкими общими знаниями, автор книги "Правда о большевизме", обстоятельной работы, изданной в качестве учебного пособия, под псевдонимом М. Першин) и я.

Немецкое начальство подобралось из русофилов, и доходило до того, что начальник контрразведки, через жену, извещал нас об инфильтрируемых немецких агентах и разных кознях против нас.

Власов был осведомлен нами, кто мы, и у него уже была наша "Схема национально-трудового строя" (первое, ротаторное издание), но в разговоре со мной он предупредил, чтобы мы вели себя "незаметно", и добавил: "как это китайцы умеют" (в свое время он был советником Чан Кай-ши). Каждую субботу я ездил с докладом сначала к В. М. Байдалакову, председателю НТС, потом к А. А. Власову. Отношения были лояльные, недоразумений не возникало.

Как-то Штрикфельдт пригласил Зыкова и меня в свой кабинет для уяснения и согласования наших позиций: Зыков был либеральным марксистом, бухаринцем (теперь это - "социализм с человеческим лицом"), я стоял ближе к народникам. Штик, как мы его называли, просил нас работать согласованно, хотя признался, что ему народники ближе.

Отклик в народе и на фронте

Интерес к Власовской акции и к Российской освободительной армии был массовым - как в населении оккупированной территории, так и у добровольческих формирований. Военные неудачи немцев усиливали надежду на поворот в сторону политического характера войны, и немецкие военные круги делали все возможное, чтобы добиться этого, но - безуспешно. Взятый в плен под Сталинградом командующий Третьей гвардейской армией Крупенников первым делом спросил у немцев: "Почему вы не бросили в бой наших пленных, ненавидевших Сталина?".

Вторая поездка Власова - северная: в Ригу, Псков, Лугу, Гатчину (20.4-10.5.43), - вызвала, как и первая, энтузиазм в населении и добровольческих формированиях; это разгневало нацистское руководство. К тому же Власов в Гатчине, поблагодарив местных немецких офицеров за хороший прием, выразил надежду в недалеком будущем принять их "как гостей" в столице свободной России. В ставке Гитлера это было расценено как "наглость", и последовал приказ убрать Власова в лагерь военнопленных; с трудом немецким друзьям удалось обойти распоряжение. Но Власов был изолирован, обстановка в России менялась, надежды населения гасли, борьба добровольческих формирований теряла смысла.

Полоса тяжелых ударов

К осени 1943 г. гитлеровское командование решило: "восточные батальоны" на своей территории ненадежны. Перебросить их в западные страны, высвободив оттуда подкрепления для восточного фронта. Отделу пропаганды было дано задание составить обращение, за подписью Власова, в том духе, что-де западные союзники Сталина - такие же враги, как и сам Сталин. Отчаянными усилиями Штрикфельдт и его друзья пытались придать неизбежному отводу значение отхода для предстоящего формирования Освободительной армии. Власов требуемого обращения не подписывал. Но немцы его все же отпечатали и разослали с его именем, что повело к большим потрясениям у нас.

Трухин поставил вопрос об уходе его и всей группы НТС, Власов ответил Трухину, что он сам думает бросить все и уйти в лагерь, Штрикфельдт тоже колебался, стоит ли "продолжать игру". Но Зыкову удалось уговорить всех, что еще не все потеряно, еще есть шанс на действительные формирования и что нельзя бросать на произвол судьбы массу близких нам людей, соотечественников. Примерно 800.000 добровольцев, "легионеров" (из нац. меньшинств) и казаков было направлено отдельными группами и группировками во Францию, в Италию, Данию, Норвегию.

В 1944 г. при катастрофическом положении немцев на фронте гитлеровские власти обрушили волну преследований на всех противников нацистской политики. В начале июня было арестовано руководство НТС в Берлине, затем разгромлены многие группы в разных местах; в тюрьмы и лагеря былоброшено несколько сот наших друзей, многие погибли (были расстреляны и даже сожжены заживо); к концу войны в немецких концлагерях и тюрьмах насчитывалось более двухсот членов НТС. В том же июне, несколько позже, немецкая служба (гестапо или контрразведка) схватила М. А. Зыкова, и он исчез бесследно (еврей по национальности, он находился под защитой службы пропаганды, но его поздним вечером выманили из квартиры и увезли "неизвестно кто и куда").

Покушение Штауффенберга на Гитлера 20 июля повело, среди прочего, к разгрому военной оппозиции; положение Дабендорфа стало шатким, выходить за ворота лагеря не рекомендовалось. Трухин перенял общее возглавление НТС, но связи почти не было. По счастливой случайности уцелел наш друг Штрикфельдт, и лагерь, притаившись, продолжал свою работу.

Пражский манифест

Но прошло несколько недель и, странным образом не кто иной, как Гиммлер, начальник гестапо, а к тому времени и командующий "войсками резерва", вдруг проявил интерес к Власову и желание с ним встретиться. Эта встреча произошла 16 сентября, но еще в порядке подготовки к "разговору" Жиленков получил задание от Власова приготовить проект общеполитического документа о сущности и целях движения; он именовался сначала "декларацией", но Власов высказался за "манифест". Одновременно наши генералы согласовывали с немцами название для верховного органа движения: термин "Российский освободительный комитет" не проходил, и был принят компромиссный "Комитет освобождения народов России". В итоге декларация вышла как Манифест КОНР, а после оглашения ее в Праге получила известность как Пражский манифест.

Жиленков разбил план документа на три части и поручил написать вводную часть Н. В. Ковальчуку, центральную, то есть программную, мне, а заключительную, призывную, - Н. А. Нарейкису (кажется, в прошлом из Академии архитектуры; он был толковым организатором и пропагандистом). Я составил, по своей природе, программный комплекс несколько академично, разбив его на главы и статьи и расположив их по значению; но Г. Н. Жиленков, как опытный массовик, это снял и подал чередой в 14 пунктов, получилось проще, а стало быть, практически лучше. Так они и стали известны как "14 пунктов" Власовского манифеста.

14 ноября в Праге на учредительном собрании КОНР Власов огласил Манифест, 18 ноября в Берлине он был оглашен на массовом митинге представителей рабочих, интеллигентии, фронтовиков, национальных меньшинств, потом пошла волна писем, заявлений о присоединении, началось формирование аппарата КОНР, а там и вооруженных сил.

Работа КОНРа

Аппарат КОНР был отстроен быстро, поскольку приток квалифицированных сил превзошел все расчеты. Генералы при Власове возглавили четыре управления: Малышкин - организационное, Жиленков - пропагандное, Закутный - управление делами гражданских лиц, Трухин - штаб вооруженных сил, подлежащих формиро-

ванию. Штифанов достался Жиленкову, я - Малышкину (вскоре избранному заместителем председателя КОНР), который учредил при себе Научный совет, под руководством профессора П. Н. Иванова, а в нем - Отдел разработки программно-идеологических материалов, порученный мне.

В конце каждого месяца (с декабря по март) созывались пленарные собрания КОНР. Два раза в неделю выходила газета "Воля народа", которую вел А. С. Казанцев - опытный журналист, из до-военных членов НТС, участник Власовского движения с самого начала, потом написавший о нем первую книгу на русском языке ("Третья сила"). Канцелярия КОНР и редакция газеты были завалены частными и коллективными письмами о присоединении к движению и готовности вступить в освободительную армию; в среднем ежедневно поступало до 3 тысяч писем.

По минимальным показателям, из множества расходящихся данных, в Германии тогда было около 6 миллионов "восточных рабочих", до 3 миллионов военнопленных (тоже в "рабочих командах"), около миллиона военнослужащих в германской армии, да еще насчитывали до 5 миллионов беженцев; это составляло почти 10% населения нашей страны, и это были главным образом люди средних возрастов - солидный резервуар кадров для движения и войск.

Формирование Вооруженных сил

Но лишь в конце января (официально 28 января) была представлена возможность формировать Вооруженные силы КОНР. Первая дивизия, под командованием С. К. Буняченко, формировалась в Мюнзингене, вторая, под командой Г. А. Зверева, в Хойберге (оба места в земле Бюремберг, на юге Германии).

Первая дивизия насчитывала вначале 13 тысяч человек, но потом, в походе, выросла до 18 тысяч за счет притока людей со стороны, из лагерей. Вторая дивизия сразу формировалась из 18 тысяч. В марте началось формирование третьей дивизии. Предполагалось за лето 1945 г. составить 10 дивизий, а всего людских ресурсов хватало на 30 дивизий.

Практически к апрелю, считая еще состав военно-воздушных сил Мальцева и Офицерскую школу Меандрова, у Власова было около 50 тысяч; не хватало, однако, достаточного снаряжения и общего объединения.

тит глупую книгу, то Бернард Шоу выступит с оправданием нападения на Финляндию - и все это в позе барина, готового изрекать суждения за пределами своих знаний и понимания (и в наши дни американский баптистский проповедник Билли Грэхем в СССР не заметил тысяч узников совести в тюрьмах и лагерях).

Но люди не могли не думать, что же делать, как избавиться от цепей укоренившегося режима? Как-то в беседе трех друзей-студентов перебрали все и пришли к двум выводам: в личном плане надо стремиться к достижениям в науке, искусстве, спорте, чтобы попасть за границу и там остаться, а в общем - надо ждать войны, которую сама власть считает неизбежной.

Наиболее вероятным противником, вслед за официальной пропагандой, до 1939 года считали Гитлера. Интеллигенцию это смущало. Народ - нет: пропаганда не верили, а узнав, что Гитлер австрийским крестьянам разрешил держать не больше пяти коров, ухмылялись: нам бы по пять коров!

Две стадии

Итак, в отношении Германии у интеллигенции (будущие командиры) существовали сомнения, а больше неприятие; в народной массе (будущие красноармейцы) этого не наблюдалось.

В первой стадии войны (1939-1941) победы тоталитарного блока интеллигенцию сильно расстроили, но политico-психологическая ориентировка стала яснее: блок противостоит демократиям, и в случае нашего участия в боях надо переходить на их сторону. Во второй стадии возникало трагическое раздвоение: быть оборонцем значило не только защищать режим, но и содействовать его укреплению, распространению на другие страны и на весь мир, как учила коммунистическая политграмота; быть пораженцем претило душе как нечто позорное, к тому же это значило рисковать судьбами страны и народа перед чужеземной силой. Коллаборация демократий со Сталиным еще больше осложнила положение.

У народной массы дело обстояло просто: "против кого?" - "против своих угнетателей!", а с кем - это было второстепенным; да и не верилось казенной пропаганде. Защищать колхозы, лагеря? Сталина, Берию, местное "начальство"? Со злорадством наблюдали бегство "своры псов и палачей", вчера еще всесильных и безжалостных.

"За Сталина!"

На Фронте воочию обнаружилось нежелание армейской массы сражаться "За Родину, за Сталина!". Бойцы дрались неохотно, команды выполнялись вяло, при первой возможности люди разбредались. Заградительные отряды ловили и расстреливали одиночек, а от вооруженных групп сами бежали. На инструктаже начальство предупреждало, что диверсанты, переодетые в красноармейскую форму, стреляют в спину командирам, но командиры хорошо знали, что это вовсе не немцы. Немецким нашествием было трудно запугать бойцов, мобилизованных колхозников; у них было свое суждение: "хуже не будет!", потому что "хуже быть не может". Были, конечно, примеры фанатического героизма, но и у ложных кумиров есть поклонники, и не всякое жертвоприношение свидетельствует об истинности божества.

Мы стояли перед выбором. А что такое настоящий выбор? Каково выбирать между решениями, полными риска в исторической перспективе? Ошибаются люди, коллективы, целые народы.

Непосредственные наблюдения под Смоленском, под Москвой, под Ленинградом, в Прибалтике подтверждали одно и то же: народ жаждет устронения существующего режима любой ценой. В Прибалтике добавочно горела ненависть и к нам, как к оккупантам. При окружениях немцами наших разрозненных групп, в критический момент достаточно было одному обратиться с вопросом "Что, ребята, будем умирать за колхозы?", как все бросали оружие и уходили в плен.

Истребление "славян"

В плену летом 1941 года люди сначала были настроены оптимистично и давали сталинскому режиму - "полгода" (так же считали тогда и советские генералы, с которыми мне потом довелось беседовать). Да и в Москве в октябре в мусор выкидывали портреты Сталина безбоязненно: люди были уверены, что власти бегут безвозвратно. В плену, как и в оккупированных областях, ждали "русского правительства" и "русской армии", надо было лишь переждать понятные технические задержки (покорение России немцами было очевидным абсурдом). В то же время, по немецким данным, от 800 тысяч до миллиона красноармейцев просто пошли добровольцами в немецкую армию (не всегда даже в виде особых под-

В декабре 1944 г. Ф. И. Трухин на подпольном совещании наличных активных членов НТС в Берлине передал руководство Союзом: в армии М. А. Меандрову, в гражданской части Е. И. Мамукову. Но в условиях обстановки группы действовали самостоятельно, и общее руководство было ненужным, да и невозможным.

Походы, Пражская операция, крах

Власовские части старались объединиться, но немцы требовали выхода на фронт, чтобы "доказать боеспособность", а фактически чтобы облегчить положение потрепанных немецких частей. 9 февраля ударная группа молодого полковника Сахарова провела операцию на Одере: бойцы сражались отлично, а с советской стороны появились перебежчики, тут же выражавшие желание "записаться в РОА". Тогда немцы стали добиваться посылки на фронт Первой дивизии, и Власов в конце концов согласился.

Дивизия Буняченко выступила в поход 6 марта, провела сражение на Одере 13 апреля, но сразу же стало ясно, что изолированность и недооснащенность поведут лишь к гибели состава, и Буняченко повернул на юг, на соединение с другими власовскими силами. 29 апреля она вошла в Чехию, далее шла мимо Праги, но тут восставшие чехи, включая коммунистов, запросили помощи, и 7 мая дивизия боевыми действиями подавила сопротивление немецкого гарнизона.

Еще 4 мая Эйзенхаузер сообщил в Москву, что его войска, вышедшие в Чехии на линию Карловы Вары, Пльзень, Ческе Будеёвице, готовы продвинуться до Эльбы и Влтавы, заняв всю западную область до Праги включительно. Но начальник генштаба Красной армии Антонов, через американскую военную миссию в Москве, потребовал от Эйзенхаузера не переходить занятой линии. И как только стало ясно, что Чехословакия отдана Сталину, настроение чехов резко изменилось: власовцы из освободителей превратились в "предателей", чешские партизаны начали нападать на мелкие группы РОА.

Буняченко вывел дивизию, через Прибрам, 10 мая к американской демаркационной линии, а потом кое-как уговорил пропустить 15.000 солдат за линию. Но 12 мая американцы отошли назад, зону заняли советские войска; только около двух тысяч власовских солдат сумели уйти, вразброс, на запад и раствориться среди баварского населения.

У американцев не было ясного представления о происходящем: кто-то принимал власовцев за советских, кто-то - за подсобных немецких военнослужащих; кто-то сразу выдавал их советскому командованию, а кто-то смотрел сквозь пальцы, как они просачивались на запад.

Вторая дивизия Зверева и Офицерская школа 19 апреля направились в Линц (Австрия), куда прибыли 26 апреля, оттуда ушли в район Ческих Будеёвиц, на соединение с Первой дивизией; там их застала весть об окончании войны. 8 мая Меандров повел школу, части запасной бригады и некоторые отбившиеся подразделения Второй дивизии, через Чески Крумлов, на запад, и они были интернированы американцами, размещены в лагерях на баварской территории. Основной же состав дивизии, из-за апатии и медлительности командования, в ночь 11-12 мая был окружён советскими войсками у Каплиц; лишь двоим из штаба Зверева удалось уйти и рассказать потом о конце дивизии.

Власов с Буняченко были захвачены в районе выдачи Первой дивизии, близ Пильзена 12 мая. Трухин взят в Прибраме еще 6 мая. Малышкин, в сопровождении Штрикфельдта, 20 апреля поехал для переговоров к американскому командованию в южной Германии, там был арестован и потом отправлен в особый лагерь в Аугсбурге, где встретил и Жиленкова; оба впоследствии были выданы советским властям.

Насильственная депатриация

На основании Ялтинского соглашения, в нарушение международного права, западные демократии больше года занимались выдачей Сталину миллионов людей, оказавшихся вне сферы власти коммунистической диктатуры. Многие выдаче предпочитали самоубийство.

Полное непонимание российской проблемы на западе выразилось, в частности, в том, что, наступая во Франции и в Италии, англо-американцы бросали листовки, уговаривая "русских" прекратить сопротивление и обещая немедленно отправить их "домой". Это лишь усиливало сопротивление, что, в свою очередь, озлобляло англо-американцев, особенно на фоне возраставшей готовности немцев сложить оружие. С другой стороны, даже американские "антисоциалисты" советовали потом "русским антикоммунистам"

ехать в СССР, чтобы на выборах в Верховный совет голосовать против компартии, за демократию. Кое-что, впрочем, зависело от настроений во фронтовом командовании, особенно у американцев, и, например, около 2-3 тысяч человек из лагеря пленных военнослужащих авиа частей под Майнцем было отпущено на волю.

По сообщению уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации генерал-полковника Голикова, от 7 сентября 1945 г. ("Репатриация советских граждан"), западные державы передали советским властям до того момента 2.229.552 человека "восточных рабочих", беженцев, пленных и добровольцев или власовцев. Но, во-первых, репатриация еще продолжалась, а во-вторых, были еще захваченные самими советскими властями или вернувшиеся в СССР без ведома западных властей.

Аппарат КОНР в начале февраля переехал из Берлина в Карловы Вары, а в середине апреля - в Ванген и Фюссен близ швейцарской и австрийской границы, на южногерманской территории. Поезд в Пильзене попал под воздушную бомбардировку, были убитые и раненые. На юге вскоре появились американцы и французы, но большинство сотрудников КОНР репатриации избежало.

НТС в борьбе за спасение людей

Часть деятелей НТС собралась в "строительном лагере" фирмы "Эрбауэр", основанной предпримчивым деятелем НТС К. В. Болдыревым, где под видом "строителей" съехались верные люди из эмигрантов и советских. Лагерь этот кочевал от одного "строительного объекта" к другому, а в конце войны очутился в Тюрингии, под Нордхаузеном. По окончании военных действий, используя брошенный немцами санитарный автобус с броской надписью "Тифус" (тиф) и добавив по-английски "тифозный изолятор", стали собирать в лагерь актив НТС. Узнав, что Тюрингия американцами отдается в советскую зону, вывезли около 500 человек в брошенный лагерь у селения Менхегоф, близ Касселя, в Гессене. Там обосновался центр НТС, учреждено издательство "Посев", установлены связи с американским командованием, с международной беженской организацией ЮНРРА, с заграничными группами НТС, был продолжен сбор кадров (лагерь разросся до 2500 человек).

Главной задачей тогда для НТС было спасение соотечественни-

ков от насилия и репатриации и разъяснение западным демократиям существа антикоммунистического Российского освободительного движения. Еще в апреле кое-кому от имени КОНР были даны письма с полномочиями ходатайствовать перед западными властями за участников РОД и за советских беженцев. Член Совета НТС В. Д. Поремский, в частности, пробыл 10 месяцев в тюрьме и лагере у немцев, направился с таким полномочием к английскому командованию в Гамбург - и там попал на 14 месяцев в английский лагерь. Сопровождавший его полк. Мелешкевич был выдан СМЕРШ.

Довоенные члены НТС (первая эмиграция), используя свои паспорта, знание языков и западных нравов, а также различные связи в иностранном мире, были авангардом в развернувшейся "битве за людей". Многочисленные контакты и меморандумы на всех уровнях, лансирование парламентских запросов и статей в прессу, обращения через церковные круги, через Красный крест, через объединения ветеранов первой мировой войны - все использовалось в защиту права на жизнь и свободу. И часто приходилось платить своей свободой: руководство лагеря Менхегоф не раз бывало арестованным военными властями, еженедельник "Посев" был запрещен военной цензурой и полгода не выходил (с ноября 1945 г. по апрель 1946 г.)...

Как бы то ни было, но множество душ, теми или иными способами, было вырвано из неволи, хотя и не везде это удавалось. Наиболее, пожалуй, трагично сложилась судьба группы ген. Меандрова в Платтлинге (Бавария): несмотря на настоятельные советы руководства НТС всячески, пока возможно, содействовать уходу людей из лагеря, ген. Меандров держался идеи добиться признания у американцев для его "организованной единицы". Дело кончилось кровавой выдачей в феврале 1946 г., хотя все же значительное число людей удалось спасти, наладив снабжение документами и гражданской одеждой.

Заключение

Подводя итоги, напомню историософский постулат о том, что "не каждый отвечает за общий ход истории, но каждый отвечает за свое место в нем", и жалок тот, кто трусливо уходит от ответственности, а потом жалуется на последствия.

Не Власов создал Освободительное движение, а чаяния народа

создали базу для него. Изменниками могут быть единицы, а не миллионы. И не большевики ли учили до прихода к власти, что "надо различать между отечеством и начальством"? И кто вправе обвинять Российское освободительное движение в коллaborации, когда мировые демократии коллаборировали с коммунистическим тоталитаризмом, отдали под его ярмо пол-Европы и поставили мир на грань всеобщего рабства или всеобщего истребления?

Российское освободительное движение - свидетельство непокорности народа. Его могут клеймить "предательством" и "мятежом". Но только потому, что оно потерпело неудачу. Как писал шотландский поэт Роберт Бернс: "Мятеж не может кончиться удачей: когда он победит, его зовут иначе". И победи наш народный мятеж, его именовали бы Освободительной революцией.

Запад дважды, в двух лицах, упустил шанс победы над коммунизмом, отверг и разрушил колоссальный резервуар антикоммунистических сил. И недаром сказал немецкий генерал Кестинг, командовавший добровольцами, при допросе американскому командованию: "Мы, немцы, из-за неразумия, ненасытности, неспособности и невежества проиграли огромный капитал, который вообще в борьбе против большевизма мог и может быть. Мы смешали с грязью облик европейской культуры в представлении бесчисленных русских. Но мы все же оставили некоторый капитал, который в будущем мог бы принести проценты. Вы сейчас не поймете меня, если я вам скажу, что вы в эти недели этот капитал во второй раз разрушили, и не только в материальном смысле, но и в душах всех тех, кто надеялся на вашу помощь и разумение, после того как они Германией были брошены на произвол судьбы. Очень легко может быть, что вы в недалеком будущем обратитесь в памяти к тому, что гибнет в эти недели".

Ныне уже в переосмыслении истории обратились к периоду минувшей войны и политическим процессам того времени, но тут находятся любители со старых, заученных позиций требовать от НТС своеобразного покаяния в действиях прошлого. Нам не приходится каяться ни в чем существенном, наша генеральная линия была направлена на благо нашего народа, и она была единственной верной в сложившихся условиях, хотя и оказалась безуспешной. Безуспешны, но верны были целеустремления и всего нашего народа, частью которого мы оставались всегда. Перефразируя Ахматову, можно сказать: мы были все с народом нашим, где наш народ, к несчастью, был.

МАНИФЕСТ

КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильтвенное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжающейся большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и не желанием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу

убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Скоив крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатированных и наиболее угнетенных.

Большевики отняли, у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоявш-

шая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результата его труда кому бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны,

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплоатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратил борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено.:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызывного Войска, Казачьих войск и национальных частей.

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в **объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков**. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помочь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. **Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.** Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, подавивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

50-летие Пражского манифеста

В прошедшем году 14 ноября исполнилось 50 лет со дня провозглашения в Праге ген. А. А. Власовым Манифеста Комитета освобождения народов России (КОНР). По этому случаю в Москве, в помещении филиала Музея революции на Моховой, где продолжает работу выставка "Пути и судьбы русской эмиграции", 19 ноября состоялся исторический семинар, организованный совместно издательством "Посев", Новым Гуманитарным университетом и Музеем революции. На семинар собралось около 60 представителей общественности и средств массовой информации.

В послесоветской печати России сейчас появляются статьи, стирающиеся подвергнуть частичной ревизии прежний отрицательный взгляд на власовское движение. Например, подчеркиваются заслуги Власова в бытность его генералом Красной армии или тот факт, что он спас жизнь многим, кто иначе погиб бы в немецком плена. Зато преуменьшаются численные размеры стихийного антибольшевистского движения во Второй мировой войне, ставится под вопрос его политическое значение. До объективной оценки самого Освободительного движения еще далеко. Стремлением приблизиться к такой оценке и было продиктовано устройство семинара.

Вступительное слово произнес заместитель директора Музея революции по науке кандидат исторических наук В. Ю. Васильков. Он сосредоточил внимание на том, что даже спустя 50 лет и в канун празднования победы 1945 года в сознании людей власовское движение остается явлением далеко не однозначным, особенно в армейских кругах. Что же касается самого Манифеста, для наших современников его слова о социальной справедливости звучат трибуально, слова о национально-трудовом строе - непонятно, а слова о "помощи Германии" подтверждают тезис об измене родине.

Первый доклад прочел А. В. Юрасовский, историк, член редакции журнала "Отечественная история". Его доклад был озаглавлен "Вторая гражданская или первая перестройка?". В своем выступлении он сначала остановился на "низовых" истоках антибольшевистского движения времени Второй мировой войны, на самоорганизации населения в Прибалтике, на Западной Украине, на Кавказе, среди казачества и в некоторых областях западной России, где были деревни "партизанские", т. е. просоветские, и деревни "поли-

цайские", т. е. сотрудничавшие с немцами. Это, по оценке докладчика, были отголоски гражданской войны 1918-22 годов.

Затем А. В. Юрасовский привлек внимание аудитории к руководящим деятелям Движения, таким как Жиленков, Зыков и высшим офицерам, указав, что это была "номенклатура" того времени, и их концепция освободительного движения была, по существу, номенклатурной концепцией "перестройки", предвосхитившей как Хрущевскую (вторую), так и Горбачевскую (третью) перестройку. Таким образом, власовское движение, отстраненное на 20 лет от гражданской войны и на 50 лет от окончательной "перестройки", вобрало в себя элементы прошлого и будущего.

Второй доклад на тему "Вооруженные силы КОНР" сделал К. А. Александров, молодой сотрудник историко-исследовательского центра Независимой гуманитарной академии в С.-Петербурге. Он прежде всего подчеркнул необходимость проводить различие между "власовцами" в советском понимании (то есть добровольцами, служившими разным образом в немецких частях или при них в период с 1941 по 1944 год, которых было около 800.000 или более; к ним Власов не имел никакого отношения или отношение это было чисто символическим) и теми, кто реально стал под его команду с января по май 1945 года, т. е. чинами Вооруженных сил КОНР, которых было 133.500. Причем последние не сражались ни с западными союзниками, ни, за одним исключением, с Красной армией. Их боевые действия предполагались в будущем и, кроме помощи восставшей Праге, не состоялись. Затем докладчик дал характеристики командного состава ВС КОНР, о деятельности этих офицеров до их плена - на основании документов, сохранившихся в советских архивах. Отвечая на многочисленные вопросы аудитории, он уточнил ряд положений, в частности, о размерах и вооружении военно-воздушных сил КОНР и о судьбе отдельных деятелей.

Третий доклад прочел С. Е. Кампанец, руководитель общественно-научного центра "Архив РОА" в Москве. Этот доклад был посвящен насилиственным выдачам Сталину военнослужащих РОА и казаков американцами и англичанами в 1945-47 годах. Точная статистика насилиственной депатриации, начиная с Форта Дикс в Нью-Джерси в США и кончая Лиенцем, Даахау, Платтлингом и всеми прочими местами выдач в Австрии, Германии и Италии, остается до сих пор не выясненной, как не ясно и число спасшихся.

После перерыва последовало сообщение Г. В. Алёхина о роли

Православной церкви во Второй мировой войне. Он говорил о том, что, несмотря на формальные послабления, церковь на подвластной Сталину территории оставалась под строгим контролем властей, в то время как немцы возрождению церковной жизни на оккупированных территориях не препятствовали. Он отметил роль Псковской миссии и роль православных священников в добровольческих формированиях.

Затем А. И. Орлов, на основании материалов поисковых работ в Новгородской области, в которых он много лет участвовал и которыми руководил в последние годы, рассказал о трагедии на Волховском фронте Второй ударной армии, брошенной Сталиным в безнадежную операцию. Эта операция, ненужная гибель сотни тысяч солдат, многие из которых до сих пор не похоронены в Мясном бору, и привела Власова как командующего армией к той переоценке ценностей, благодаря которой он взялся возглавить Освободительное движение.

В заключительном слове Б. С. Пушкирев сказал, что судьба Освободительного движения периода Второй мировой войны была трагична - как и весь ход этой войны для России. Трагично, что развязанная Сталиным в августе 1939 года как война за покорение мира для коммунизма, она до сих пор воспринимается как "Великая отечественная", и особенно трагична та великая кровь, вовсе несоразмерная потерям противника, которой была куплена победа. Неудавшееся же "Освободительное движение" стало жертвой гитлеровской политики, а вовсе не ее пособником.

Однако идеи Пражского манифеста не погибли. "Уничтожение режима террора и насилия... Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкословенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда... Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм... Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян... Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны".

Тогда эти идеи были провозглашены на вражеской территории, вопреки сопротивлению Гитлера, который до того дважды - в ноябре 1941 и в апреле 1943 - запретил их организованное развитие. Сегодня, спустя полстолетия, те же идеи нашли свое отражение в российской Конституции 1993 года.

Вспоминая свою юность в Праге, выступавший напомнил, что аббревиатура РОА (Русская освободительная армия) в то время расшифровывалась как "русские обманут Адольфа". На фоне нацистского зажима яркой вспышкой последней надежды стало 14 ноября 1944, когда подлинно демократический манифест КОНР прозвучал с трибуны в пражском дворце. Для соотечественников, живших тогда в Германии, эффект был сравним разве что с августом 1991 в России. Контраст между закрытой пронацистской газетой "Новое слово" и сменившей ее "Волей народа" был как контраст между коммунистической и свободной прессой. Улучшились условия жизни пленных и ОСТовцев. И сотни тысяч заявлений о желании вступить в РОА посыпались в штаб Власова не когда-нибудь, а в ноябре-декабре 1944 года! Шестимиллионная Россия в Германии тех лет жила особой жизнью. Как оказалось, жизнью иллюзорной. Но разве не было иллюзий по эту сторону фронта? Та жизнь и те иллюзии - тоже часть нашей истории и их надо понимать, исходя из обстоятельств того места и того времени.

Семинар 19 ноября 1994 года получил освещение в средствах массовой информации. Российское телевидение (2-й канал) в тот же вечер дало сообщение "Пособники или жертвы?". Останкино (1-й канал) 20 ноября дало сюжет, в котором были использованы кадры кинохроники о Пражском манифесте, об участии 1-й дивизии РОА в боях за Прагу, и три интервью: с А. Н. Артемовым (одним из автором Пражского манифеста) во Франкфурте, с Б. С. Пушкиревым и А. И. Орловым в Москве, равно как и кадры об открытии на Ольшанском кладбище в Праге креста на могиле воинов РОА, убитых в пражских госпиталях органами советской безопасности в мае 1945 года. Кроме того, Московское телевидение (3-й канал) передало интервью с К. А. Александровым, снятое на семинаре.

Дух Пражского манифеста 1944 года, возможно, наиболее кратко выражен в следующих его словах: "Усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, не создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством".

Б. С.